

КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ – 25 ЛЕТ

КОНСТИТУЦИОННАЯ МИФОЛОГИЯ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ,
ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ
(Часть 2)

© 2019 г. И. Н. Барциц

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва

E-mail: in.bartsits@migsu.ru

Поступила в редакцию 26.06.2018 г.

Статья посвящена раскрытию сущности, содержания и предназначения конституционных мифов и иллюзий как несущих конструкций конституционного строя, государственного устройства и политического режима. Особое внимание уделено анализу отдельных конституционных мифов и иллюзий, в частности доктрины народного суверенитета, концепта общественного договора, всенародного референдума, ценностей разделения властей, открытости правительства и т.д. и практики их реализации на примере конституций таких стран, как Россия, Китай, США, Франция, Венесуэла, Казахстан, Армения, Украина и др. Выявлены основные отличия конституционных мифов от конституционных иллюзий, в частности истоки формирования, значимость в конституционной идеологии, противоположная временная направленность и т.д. Обоснован вывод о прагматичности и исключительно политической сфокусированности современной конституционной доктрины, направленной на решение утилитарных политических задач, не позволяющей сформировать условия для возникновения новых мифов и предполагающей истощение конституционных иллюзий в современную эпоху.

Ключевые слова: конституция, конституционные мифы, конституционные иллюзии, общественный договор, народовластие.

DOI: 10.31857/S013207690003644-0

Конституционные иллюзии и мифы России на сломе

В настоящее время в США и в Европе конституционная мифология является достаточно действенной и функциональной¹. Весьма востребована конституционная мифология и в современной России. Система российских конституционных мифов глубоко связана с базовыми мифами российской государственности. Базовые конституционные мифологемы современной России восходят к эпохе разрушения Союза ССР – эпохи, в которой «Устав КПСС представлял собой подлинную Конституцию СССР»², и становления Конституции РФ 1993 г.

Конституционно-правовая история СССР переполнена мифологией: и про будто бы

признававшиеся и гарантированные политические права, и про дружбу народов, приведшую к формированию новой исторической общности – «советского народа», и про легитимность захвата власти в 1917 г.³ Впрочем, не менее мифологизированным был «распад», а точнее – разрушение Союза ССР⁴, причем со стороны как критиков разрушения, так и положительно его оценивавших.

Вся советская история управления состоит из циклов централизации и децентрализации, последний вариант которой вкупе с безволием первого и последнего Президента СССР М. С. Горбачева привел к разрушению Советского Союза в 1991 г. О 90-х в России можно сказать словами, которыми начинается «Повесть о двух городах» Ч. Диккенса: «Это было самое прекрасное время, это было самое злосчастное время, – век мудрости, век безумия, дни

¹ См.: Ghetti P. S. The Brazilian Deconstitution: Futurity and Cynicism in the Brazilian Constitutional Experience. 2007. P. 5. URL: <http://www.enlensyn.gr/papers/w2/Paper%20by%20Pablo%20Ghetti.pdf>

² Мау В. А. Экономика и власть: опыт посткоммунистической трансформации. Экономическая реформа: сквозь призму конституции и политики. М., 2017. С. 201.

³ См., напр.: Краснов М. Конституция в нашей жизни // Pro et Contra. 2007. Июль–окт. С. 31.

⁴ См.: Шахрай С. М. Мифология распада СССР // Аргументы недели. 2012. 5 дек. URL: <http://argumenti.ru/politics/n368/218028>

веры, дни безверия, пора света, пора тьмы, весна надежд, стужа отчаяния, у нас было все впереди, у нас впереди ничего не было...»⁵.

События конца 80 — начала 90-х годов не могли не вызвать всплеска конституционных иллюзий сначала у либеральной интеллигенции, затем у все более широких слоев населения. Проект Конституции Союза Советских Республик Европы и Азии А. Д. Сахарова (14 декабря 1989 г.) утверждал: *«Цель народа Союза Советских Республик Европы и Азии и его органов власти — счастливая, полная смысла жизнь, свобода материальная и духовная, благосостояние, мир и безопасность для граждан страны, для всех людей на Земле независимо от их расы, национальности, пола, возраста и социального положения» (ст. 2), а первым среди прав человека упоминал «право на жизнь, свободу и счастье» (ст. 5). Конституционным и по своей сути, да и по структуре был очерк А. И. Солженицына⁶ «Как нам обустроить Россию»⁷ (июль 1990 г.).*

Не менее интересной была и реальная конституционная жизнь. Параллельно проходили процессы создания новых конституций Союза ССР, РСФСР, активное конституционное проектирование проходило в столицах союзных и автономных республик. То, что нужны были новые конституции, не вызывало сомнений. Кардинальные преобразования политического строя и экономики обусловили содержательную необходимость новых конституционных текстов. С точки зрения конституционного дизайна тексты конституций превратились в собрание поправок, изменений и дополнений. В них не осталось статей⁸, которые не были бы в той или иной степени переработаны.

Первыми съездами народных депутатов СССР (июнь 1989 г.) и РСФСР (июнь 1990 г.) принимаются решения об образовании конституционных

⁵ Диккенс Ч. Повесть о двух городах / пер. М. Богословской, С. Боброва. М., 2011.

⁶ Очерк среди прочих включает следующие главы: «А что есть Россия?», «Слово к великороссам», «Слово к украинцам и белорусам», «Слово к малым народам и народностям», «Земля», «Хозяйство», «Провинция», «Семья и школа», «Самоограничение», «Все ли дело в государственном строе», «О государственной форме», «Что есть демократия и что не есть», «Всеобщее-равное-прямотайное», «Способы голосования», «Народное представительство», «Партии», «Демократия малых пространств», «Земство», «Степени передачи власти», «Сочетанная система управления», «Предположения о центральных властях».

⁷ В первых публикациях название эссе не содержит вопросительного знака (в отличие от авторской рукописи), в полном собрании сочинений он добавлен.

⁸ В Конституцию РСФСР в 1989 г. было внесено 25 поправок, с мая 1990 по октябрь 1992 г. было принято восемь законов об изменениях и дополнениях Конституции РСФСР (31 мая, 16 июня, 15 декабря 1990 г.; 24 мая, 1 ноября 1991 г.; 21 апреля, 9 декабря, 10 декабря 1992 г.), внесено более 300 поправок: в 1990 г. — 53, в 1991 г. — 29, в апреле 1992 г. — 177, в декабре 1992 г. — около 90.

комиссий. Комиссию по разработке общесоюзной конституции возглавил Председатель Верховного Совета СССР, Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, российской — Председатель Верховного Совета РСФСР Б. Н. Ельцин.

Тезис о новой союзной конституции был обоснован в постановлении Съезда народных депутатов СССР от 9 июня 1989 г. «Об основных направлениях внутренней и внешней политики»: *«В новой Конституции следует воплотить принципы гуманного, демократического общества, утвердить социально-экономические и политические основы построения Советского государства, договорно-конституционную природу взаимоотношений между Союзом ССР и союзными республиками, развития всех видов автономии, высокий статус Советов, неотъемлемые права человека, безопасность и правовую защищенность личности. Съезд заявил, что новая Конституция должна воплотить в себе такую социально-экономическую и государственную структуру, которая сделала бы невозможным возникновение культа личности, авторитарности, сохранение командно-административной системы»⁹.*

12 июня 1990 г., принимая документ огромной разрушительной для союзной государственности по своему содержанию и последствиям силы — Декларацию о государственном суверенитете РСФСР, Первый Съезд народных депутатов РСФСР установил, что положения Декларации должны быть приняты за основу при разработке нового текста Конституции РСФСР. 16 июня 1990 г. Конституционная комиссия была сформирована, началась яркая интеллектуальная работа по выработке конституционных текстов.

По прошествии десятилетий после принятия 12 декабря 1993 г. Конституции РФ события, предшествовавшие всенародному голосованию, оказались в значительной степени мифологизированными. Так, утверждается, будто Конституция РФ была принята в ходе референдума, хотя на самом деле 15 октября 1993 г. Президентом РФ Б. Н. Ельциным был подписан Указ о всенародном голосовании по ее проекту. Этим же Указом было утверждено Положение о всенародном голосовании по проекту Конституции Российской Федерации 12 декабря 1993 года, которым определялось, что проект конституции будет считаться одобренным в том случае, если за её принятие проголосует большинство избирателей, принявших участие в голосовании, при том условии, чтобы участие в голосовании приняло более половины числа зарегистрированных избирателей.

В действительности же референдум провести было просто невозможно. В 1993 г. еще действовал

⁹ ВСНД и ВС СССР. 1989. № 3, ст. 52.

Закон о референдуме РСФСР, относивший право назначения референдума к исключительным полномочиям Съезда народных депутатов РФ или Верховного Совета РФ (ст. 9 Закона). Президент России не был правомочен объявить проведение референдума. Спасительной «загогулиной», позволившей проигнорировать требования Закона о референдуме РСФСР, стал термин «всенародное голосование».

В советской политической практике одной из форм реализации народного суверенитета выступало «всенародное обсуждение конституций». Выросший из вполне позитивной политической идеи ознакомления широких масс населения с положениями предлагаемых конституционных и иных законодательных актов формат всенародного обсуждения был объявлен одной из форм непосредственной демократии (наряду с институтами выборов и референдума). Апробированный в 20-е годы при обсуждении законов о браке и семье, образовании формат всенародного обсуждения был использован при подготовке конституций СССР 1936 и 1977 гг., использовался при рассмотрении целого ряда законопроектов в 80-е годы и в период перестройки.

Если, по официальной информации, во всенародном обсуждении Конституции в 1936 г. приняло участие более 50 млн человек и в Конституционную комиссию было направлено 154 тыс. предложений, то для проведения всенародного обсуждения Конституции 1977 г. было проведено 1.5 млн собраний трудящихся, в которых приняло участие 140 млн человек. Естественно, что особую активность проявили партийные организации КПСС, проведя 450 тыс. открытых партийных собраний.

«Воздействие всенародного обсуждения на содержательную сторону законодательного процесса выразилось прежде всего во внесении 340 изменений, затронувших 118 статей проекта нового Основного Закона страны. Первый вид изменений — дополнения: по одному слову в статье — 38 дополнений, по два — 10, по три и более слов — 29, по предложению — 31, по абзацу — 13, одна статья (102)¹⁰ внесена целиком»¹¹. Принятая после активного всенародного обсуждения Конституция СССР 1977 г. закрепила этот институт в ст. 114, предусмотрев возможность вынесения на всенародное обсуждение законопроектов решением Верховного Совета СССР или его Президиума.

¹⁰ «Статья 102. Избиратели дают наказы своим депутатам»: «Соответствующие Советы народных депутатов рассматривают наказы избирателей, учитывают их при разработке планов экономического и социального развития и составлении бюджета, организуют выполнение наказов и информируют граждан об их реализации».

¹¹ Кронский В. С. Всенародное обсуждение проекта Конституции СССР 1977 года и развитие законодательства // Правоведение. 1985. С. 42—46.

Устоявшиеся в общественном сознании и политической практике традиции всенародного обсуждения были использованы при преодолении политического кризиса сентября — октября 1993 г. Формат «всенародного голосования», очевидно, воспринявший советскую практику «всенародного обсуждения», очень быстро трансформировался в миф о принятии Конституции РФ 1993 г. на «всенародном референдуме».

В этой формуле наглядно обращение к традициям и практикам советского конституционализма, стремление использовать понятные процедуры и механизмы легитимации политических целей. Успешность подобного использования продемонстрирована при преодолении политического кризиса осени 1993 г. Само предложение Президента РФ Б. Н. Ельцина разрешить противостояние между президентом и Верховным Советом через принятие новой Конституции страны отсылает к сформированному и поддерживаемому в ходе всей советской истории исключительно уважительному отношению к Конституции.

Неоднозначный¹² с точки зрения своего соответствия действовавшей на тот период Конституции РФ 1978 г. Указ Президента РФ от 23 сентября 1993 г. «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» в качестве одного из главных упреков в адрес Верховного Совета конститутировал:

«Верховный Совет блокирует решения Съездов народных депутатов Российской Федерации о принятии новой Конституции.»

В текущей работе Верховного Совета систематически нарушается его регламент, порядок подготовки и принятия решений. Обычной практикой на сессиях стало голосование за отсутствующих депутатов, что фактически ликвидирует народное представительство.»

Таким образом разрушаются сами основы конституционного строя Российской Федерации: народовластие, разделение властей, федерализм. Еще не успев возникнуть и окрепнуть, дискредитируется сам принцип парламентаризма в Российской Федерации», а главным поручением Указа стало:

¹² Решением Конституционного Суда РФ от 21 сентября 1993 г. Указ Президента РФ Б. Н. Ельцина «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» от 21 сентября 1993 г. № 1400 и его Обращение к гражданам России 21 сентября 1993 г. были признаны не соответствующими ч. 2 ст. 1, ч. 2 ст. 2, ст. 3, ч. 2 ст. 4, ч. 1 и 3 ст. 104, ч. 3 п. 11 ст. 121⁵, ст. 121⁶, ч. 2 ст. 121⁸, ст. 165¹, 177 Конституции РФ. Конституционный суд пришел к заключению, что действия Президента служат основанием для отрешения Президента РФ Б. Н. Ельцина от должности или приведения в действие иных специальных механизмов его ответственности в порядке ст. 121¹⁰ или 121⁹ Конституции РФ.

«Конституционной комиссии и Конституционному совещанию представить к 12 декабря 1993 года единый согласованный проект Конституции Российской Федерации в соответствии с рекомендациями Рабочей группы Конституционной комиссии».

Простая формулировка вопроса «Принимаете ли Вы Конституцию Российской Федерации?» — «да» или «нет» — обращалась к массовому сознанию привыкших отмечать День Конституции как один из главных государственных праздников граждан страны, в которой еще далеко не везде выгорели кумачовые транспаранты с лозунгами «Конституция СССР — Основной Закон нашей жизни», «Да здравствует Конституция страны социализма!». Под лозунгом «Уважайте Советскую Конституцию» 5 декабря 1965 г. на Пушкинской площади прошла первая правозащитная демонстрация советского времени. Ее инициатор — сын Сергея Есенина Александр Есенин-Вольпин — был быстро задержан компетентными органами и спустя несколько часов отпущен, а пережив небольшую трансформацию — «Уважайте вашу Конституцию», стал лозунгом советских диссидентов. Упование на мистическое значение положений Конституции для решения не только конституционных, но и вполне практических задач, оценил С. М. Шахрай: *«Стремление считать единственным способом решать любые насущные вопросы — от борьбы с коррупцией до починки котельной — путем немедленного изменения Конституции свидетельствует скорее о “подростковом максимализме” общества, чем о несовершенстве Основного Закона»*¹³.

К этому восприятию, к этой советской иллюзии мистических способностей Конституции обратился Б. Н. Ельцин, предложив Конституцию как способ предотвращения гражданской войны, первые бои которой состоялись на Краснопресненской набережной 3—4 октября 1993 г.

12 декабря 1993 г. голосование состоялось. За принятие Конституции проголосовало 58.43%, против — 41.57%. Новая Конституция была принята и вступила в действие со дня её опубликования 25 декабря того же года.

Актом высочайшей государственной мудрости следует считать совершенное во исполнение телеграммы председателя Центральной избирательной Комиссии Н. Т. Рябова¹⁴ уничтожение бюллетеней

¹³ Шахрай С. М. Общество в период изменений: опыт конституционного строительства // Гос. служба. 2013. № 1. С. 15, 16.

¹⁴ См.: Румянцев О. Г. К истории создания Конституции Российской Федерации. О работе Конституционной комиссии (1990—1993 гг.). Часть восьмая. Июль — декабрь 1993 г.: из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990—1993 гг.): в 6 т. Т. 4. 1993 год. Кн. 3 (июль — декабрь 1993 г.). М., 2009. С. 78.

всенародного голосования в апреле 1994 г.¹⁵ Это решение исключило возможность пересчета голосов и тем самым избавило неконструктивные политические силы от соблазна оспорить итоги фундаментального для современной России государственного события. В конце концов, в жизни каждого государства, каждого общества, каждой семьи, каждого человека должны быть некие события (юридические факты), которые не подлежат оспариванию, выступают основой их стабильности, исключают возможность возвращения в мучительное состояние исторического выбора. В жизни названных институтов должны быть некие ценности, воспринимаемые на веру, не оспариваемые и не обсуждаемые.

Очевидно, что роль Конституции РФ 1993 г. в российском обществе и государстве не ограничивается ее признанием в качестве Основного Закона страны. Прошедшее с момента принятия действующей Конституции РФ время — срок, достаточный для того, чтобы оценить пройденный путь, понять собственные достижения и ошибки. Но и сейчас нередко слышатся голоса о недостаточной демократичности процедуры ее принятия.

Президенту Французской Республики Ф. Миттерану (1981—1995 гг. президентства) приписываются слова, что референдум — отличная и очень демократичная вещь, но проблема в том, что французам задаешь один вопрос, они отвечают на другой. Похоже, эта черта характерна не только для французов. Вряд ли большинство поддержавших Конституцию в декабре 1993 г. внимательно ознакомились с ее текстом. Речь шла скорее о поддержке определенного политического курса, закреплении победы одной политической силы над другой. Тем самым итоги всенародного голосования («референдум 1993 г.») — подтвердили классическое определение Ф. Лассаля — В. И. Ленина о конституции как закреплении соотношения политических сил.

При всей неоднозначности истории подготовки, назначения и проведения референдума о принятии Конституции РФ во второй половине 1993 г. именно этот государственно-правовой акт закрепил уничтожение советской государственности и победу политических сил, которым и предстояло сформировать новые государственные, политические и экономические институты. Конституция с этой своей задачей справилась.

¹⁵ В ноябре 1994 г. «Бюллетень ЦИК» сообщал: «Региональные (головные) избирательные комиссии провели в апреле текущего года работу по уничтожению бюллетеней по выборам в Совет Федерации, Государственную Думу и голосованию по проекту Конституции Российской Федерации, состоявшемуся 12 декабря 1993 года...».

Конституционная мифология постсоветского пространства

После разрушения Союза ССР в «новых независимых государствах», образовавшихся на постсоветском пространстве, активизировался процесс создания конституционных мифов и легенд. Процессы формирования легенд о собственной конституционной истории являются естественной частью более широкого дискурса — поиска элементов национальной многовековой, а лучше — многотысячелетней государственности. Поводы и причины подобного мифостроительства вполне очевидны и объяснимы. При этом редкое из новых постсоветских независимых государств избежало соблазна дополнить собой классическое трио «Древний Египет — Древняя Греция — Древний Рим», превратив тем самым его в квартет древнейших государств. И даже этот забавный в своей наивности процесс заслуживает исключительно доброжелательного отношения, если только при героизации собственной государственности не происходит искажения истории других (как правило, соседних) государств.

При формировании нового взгляда на свою историю, на процессы становления государственных институтов лишь одна страна, образовавшаяся после разрушения Союза ССР, была лишена возможности обвинить во всех трудностях и проблемах внешнюю силу. Это — Россия. Все остальные государства (каждое по-своему) с учетом интересов текущего политического процесса воспользовались соблазном найти внешнюю причину всего негативного. В качестве таковых номинировались различные феномены: «оккупационный», «тоталитарный», «коммунистический», «кремлевский», «империалистический» и т.п. характеристики советского политического строя. В наиболее крайней форме виноватыми объявлялись обобщенно «Россия» и «русские». Нередко подменяются и искажаются смыслы и подтексты реальных исторических событий, используются термины «геноцид», «голодомор», «оккупация», «аннексия».

Распространенной практикой становятся придание всемирно-исторического значения локальным региональным событиям, объявления конституционными актами собраний местных обычаев, философских трактатов или же проектов интеллектуалов и региональных политических деятелей. Эти подходы отражаются в конституционных и политико-правовых актах, законодательстве и историографии, экспертной аналитике и социологии. Причем указанные приемы используются не только в странах, проводящих откровенно враждебную по отношению к России политику, но и в тех, которых принято считать союзниками, — входящих

в различные интеграционные объединения с участием России.

Базовым концептом конституционного строительства выступает тезис о «многовековой истории национальной государственности». С разной степенью научной обоснованности он нашел свое отражение в конституциях Азербайджана, Беларуси, Грузии, Литвы, Украины.

Особняком в упомянутом перечне стоит Конституция Армении 1995 г., которая, несмотря на действительное наличие многовековой истории государственности, ограничивается содержащейся в преамбуле ссылкой на «осуществление завета своих свободолюбивых предков». Удержались армянские авторы и от позиционирования в качестве конституционных истоков принятого армянским Национальным собранием Константинополя в 1860 г. и утвержденного в 1863 г. «Положения об армянской нации». Из очевидно интересного следует отметить обозначение в качестве основного принципа обязанностей каждого члена армянской нации в отношении нации, а нации, в свою очередь, — в отношении каждого члена нации.

В ряде конституций происходит обращение к историческим документам. Латвия вернулась к действию Конституции 15 февраля 1922 г. Преамбула Конституции Литвы (1992 г.) возводит правовой фундамент литовской государственности (наряду с конституциями Литовской республики) на Литовских Статутах¹⁶.

Член Конституционного совета Республики Казахстан А. Нурмагамбетов, сожалея, что «кодифицированные акты не сохранились в полном объеме», обнаружил элементы конституционализма в ранний период становления государственности казахов¹⁷. В частности, в «Жетіжарғы» (Семь Уложений) были закреплены нормы, регулирующие право собственности на пастбища и водоемы, семейно-брачные отношения, имущественные и личные права вдов и сирот, другие положения, оказавшие огромное влияние на развитие кочевого хозяйства, способствующие всестороннему

¹⁶ Литовские Статуты — своды законов Великого княжества Литовского второй половины XVI в. (1529, 1566, 1588 гг.), представлявшие собой объединение норм обычного права, писаного права, местной судебной и административной практики. Многие историки права считают Литовские Статуты своеобразной феодальной конституцией Великого княжества Литовского. Литовский Статут 1588 г. действовал в ряде губерний Российской Империи после их присоединения (Витебской, Могилевской, Виленской, Гродненской, Минской) до середины XIX в.

¹⁷ На эту роль назначены своды степных законов начала XVI в. «Қасым ханнын қасқа жолы» («Светлый путь хана Касыма») и «Жетіжарғы» («Семь Уложений»).

обеспечению прав соплеменников, особенно социально незащищенных членов общества»¹⁸.

Первым проектом казахской конституции объявлен «Қазақелінің Уставы» («Устав страны казахов») 1911 г. Соответствующей предъявляемым к конституциям критериям признана программа партии «Алаш» (1917 г.), состоявшая из десяти пунктов (государственное устройство, местная свобода, основное право, религия, власть и суд, защита народа, налоги, рабочий вопрос, развитие науки и просвещения, земельный вопрос). Лаконичность программы, поместившейся на страницах одного выпуска газеты «Казах» 21 ноября 1917 г., не стала препятствием для утверждения Президента Казахстана Н. А. Назарбаева, что эта программа «несла в себе больше конституционализма, нежели все конституции советской модификации»¹⁹.

Чрезвычайно активно продуцируется конституционная мифология на Украине, причем всеми разнообразными сторонами бесконечной политической «рукопашной»²⁰. Статус лидера в поиске истоков национальной государственности Украина подтвердила, объявив первой (по совместительству) Конституцией Европы «первую украинскую конституцию — Конституцию Филиппа Орлика 1710 года»²¹.

При этом сторонники подобной претензии игнорируют требование разрешить очевидное логическое противоречие: если данный акт действительно следует признать «конституцией», то в таком случае ему надлежит отдать первенство среди конституций не только Европы, но и всего мира, так как, по устоявшемуся мнению, первой конституцией за пределами Украины принято считать Конституцию США 1787 г. (принята на 77 лет

¹⁸ Истоки казахстанского конституционализма // Казахстанская правда. 2015. 25 авг.

¹⁹ Цит. по: Матаева Т. Х. От конституционных идей до конституций в Казахстане и странах Центральной Азии // Евразийский юридический журнал. 2018. № 1. С. 10—14.

²⁰ См., напр.: Зубченко А. Конституционная мифология. URL: <http://www.versii.com/news/215856/>. — 04.10.2010; Шаповал В. Феномен конституции в контексте отечественной политико-правовой «мифологии». URL: http://gazeta.zn.ua/POLITICS/fenomen_konstitutsii_v_kontekste_otchestvennoy_politiko-pravovoy_mifologii.html. — 08.08.2008.

²¹ Holovaty S. Ukraine's constitutionalism in the context of the constitutional heritage of Europe // The constitutional heritage of Europe: Proceedings of the Uni Dem seminar organized in Montpellier (France) on 22 and 23 November 1996 in co-operation with the Centred' études et recherches comparatives constitutionnelles et politiques (CERCOP), Faculty of Law, University of Montpellier. Printed in Germany: Council of Europe Publishing F-67075 Strasbourg Cedex, 1997. Dec. P. 130, 131; Pritsak Omeljan. The First Constitution of Ukraine (5 April 1710) // Harvard Ukrainian Studies. Vol. 22: Cultures and Nations of Central and Eastern Europe (1998). Published by Harvard Ukrainian Research Institute. P. 471—496; Шишкин В. Конституция: опередившая время (о правовом акте Пилипа Орлика 1710 года) // День. 2007. 14 сент. С. 25.

позже рассматриваемого документа), что вряд ли позволительно с точки зрения геополитической корректности; с другой стороны, если и занижать планку требований к источникам, претендующим на статус первой конституции Европы, надлежит определиться с аналогичными претензиями Сан-Марино, выставляющего на конкурс конституционного первородства Законодательный статус 1600 г.

Усугубляет забавность ситуации тот факт, что написанный на двух языках (западнорусском и латыни) в типичных для петровской эпохи стиле и языке документ с вполне утилитарным и незатейливым предназначением — разграничить полномочия между избранным беглыми соратниками Мазепы «гетманом Украины» Ф. Орликом и запорожскими старшинами — носит вполне традиционное название: «Договоры и постановления прав и вольностей войсковых между Ясневельможным Его милости паном Филиппом Орликом — новоизбранным войска Запорожского Гетманом и Генеральными особами — полковниками и тым же войском Запорожским с полною з обеих сторон обрадою утвержденные при вольной Елекции формальною присягою от того же Ясневельможнаго Гетмана Подтвержденные. Року от Рождества Христова сѣдѣ Мѣсяца Априля е:». И лишь в латинской версии названия «*Pacta et Constitutiones legum libertatumque Exercitus Zaporoviensis*» присутствует искомое понятие, что и стало основанием для перевода названия документа на украинский как «*Пакти й конституції законів і вольностей Війська Запорожського*».

В версии Президента Украины П. Порошенко ситуация выглядит кардинально иначе: «5 апреля 1710 года гетманом Пилипом Орликом были подписаны Пакты и Конституции прав и вольностей Войска Запорожского — символ казацкой государственности и демократии. Это был один из первых в Европе правовых актов, который закладывал основы республиканской формы правления. Идеи и системы сдерживаний и противовесов между ветвями власти, предусмотренные документом, стали основой для многих европейских демократий, в частности и демократического уклада современной Украины».

Учебник по истории Украины для 8-го класса возводит документ в ранг «первой украинской конституции»: «данный документ считают первой украинской конституцией...»

Во вступлении подано краткое изложение истории Украины, объяснены причины разрыва отношений с Россией и принятия протектората шведского короля. Прежде всего провозглашалось, что Украина «обеих сторон Днепра должна быть на вечные времена свободной от чужого господства».

Конституция Ф. Орлика предусматривала меры, ограничивавшие власть гетмана и не допускавшие

учреждения монархической формы правления... Важные финансовые дела должны были решаться только на Генеральной раде...

Были обеспечены права и привилегии запорожцев, а также определен их особый статус.

Государственной религией объявлялось православие, а Киевская митрополия должна была выйти из подчинения Московского Патриархата.

Таким образом, Конституция Ф. Орлика не только провозглашала независимое Украинское государство, но и закрепляла наиболее прогрессивные для того времени идеи государственной жизни... Документ заложил основы принципа разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную ветви, вводил выборность должностей»²².

Подробная цитата не нуждается в комментариях и приведена для наглядности ситуации, когда в интересах современной политической конъюнктуры производятся архивные и археологические раскопки²³, литературные и философские изыскания, по итогам которых можно наблюдать зарождение новых политических мифов и легенд. Автор и заказчик учебника обогатили исторической ретроспективой современный дискурс украинской политики: здесь и единственный «обоих сторон Днепра», и необходимость отделения Киевской митрополии от Русской Православной Церкви, и даже полномочиям Верховной рады нашлось место. Для пущей солидности в различных актах находят истоки современных политико-правовых идей. От «конституции Филиппа Орлика» до написания «Духа законов» должно было пройти еще 38 лет, что позволяет современным украинским правоведам обвинить Ш. Л. Монтескье в плагиате. Как иначе можно оценить позицию судьи Конституционного суда Украины В. И. Шишкина: «*Цивилизованный мир воспринял в качестве идеальной ту конфигурацию устройства государственной власти, которую приписывают Монтескье, с делением на*

²² Власов В. С. История Украины: учеб. для 8-го кл. общеобразоват. учеб. завед. Киев, 2016. С. 192.

²³ Так, найденная в 1997 г. вместе с болгарской домонгольской керамикой монета, выпущенная в Чехии ориентировочно в первой половине X в., послужила основанием для резкого взросления столицы Татарстана — Казани. В 1977 г. на основании упоминания города в «Казанской истории» планировалось отметить 800-летие города, да и с точки зрения советской политической корректности все складывалось хорошо (Казань хоть и на 30 лет, но была моложе первопрестольной). И все же решением из Москвы празднование было отменено. В условиях «парада суверенитетов» как нельзя кстати подвернулась чешская монета, которую, по мнению чешских исследователей, могли просто «обронить» на территории Казани «два члена чешского княжеского посольства, которые взяли передать письмо от кордовского сановника Хасдая Ибн Шафрута хазарскому кагану Иосифу». Что не помешало в 2005 г. отметить тысячелетие Казани. Причем всеми сомнениями надлежит пренебречь, признавая тот неоспоримый факт, что под эгидой и прикрытием празднования в инфраструктуру города были вложены значительные финансовые средства.

функционально автономные институты: парламент — правительство — суд. Но были ли взгляды Монтескье вполне оригинальными? И здесь мы опять возвращаемся к Конституции, принятой в 1710 г. представительным собранием украинского казачества. Отдать преимущество Монтескье нельзя уже по той простой причине, что он родился в 1689 г., т.е. в 1710 г. ему был двадцать один год, и он только начал работать адвокатом после получения университетского юридического образования. Философские труды с изложением идеи разделения власти он начал печатать только впоследствии («Персидские письма» — 1721, «Размышления о причинах величия и падения римлян» — 1734, «О духе закона...» — 1748). Следовательно, идеи Монтескье отнюдь не могли обусловить взгляды Филиппа Орлика на организацию законодательной, исполнительной и судебной ветвей государственной власти. Можно допустить, что, наоборот, у Монтескье была возможность ознакомиться с трудами и документами Филиппа Орлика, написанными на латыни. Великому же Вольтеру в 1710 г. было всего шестнадцать. Другие известные французские философы и просветители, а также «отцы» американской конституции еще в то время не родились. Объективно получается, что само появление идеи разделения власти могло быть связано именно с именем Филиппа Орлика; что же касается политико-нормативной ее реализации, то первенство здесь безусловно принадлежит украинскому гетману»²⁴.

Очевидно, что и придание статуса конституционного акта документу, разграничивающему полномочия между военачальниками, не рассматриваемому и не принятому никакими органами власти, не вступившего в силу даже в весьма скромном своем предназначении, является наглядным примером конституционного мифа внутригосударственного значения. Претензии же на первородство в формулировании доктрины разделения властей можно включить в широкий перечень мифов и легенд, используемых политическими и интеллектуальными кругами Украины для формирования украинской национальной идентичности.

Конституционное обрамление предлагает придать политическому вектору современного руководства страны на вступление в Европейский Союз и НАТО. Обсуждается идея закрепить подобные стремления в тексте конституции страны (вероятно, посредством изменения ст. 18 Конституции, действующая редакция которой выглядит следующим образом: «*Внешинополитическая деятельность Украины направлена на обеспечение ее национальных интересов и безопасности путем поддержания мирного и взаимовыгодного сотрудничества с членами международного сообщества на основе общепризнанных принципов и норм международного права*»). Иллюзорность такой конституционной

²⁴ Шишкин В. Указ. соч.

нормы понимается инициаторами, которые видят ее смысл в демонстрации геополитического выбора.

Конституционные мифы – в прошлом! Конституционных иллюзий – больше нет?

Провести четкую границу (тонкую красную линию) между конституционным мифом и конституционной иллюзией весьма затруднительно. Более того, таковые активно взаимодействуют между собой, перетекая из одного состояния в другое и обратно, активно смешиваясь и иным сложным образом коррелируя друг с другом.

Конституционные мифы отличаются от конституционных иллюзий тем, что первые создаются сознательно, образуя некоторые «подпорки» конституционной идеологии и выступая ее неотъемлемыми частями, парадигмальными, в том числе телеологическими и деонтологическими, элементами, тогда как конституционные иллюзии – это заблуждения, несбывшиеся (в том числе обманутые) надежды, а также надежды, о которых общество в массе своей еще не знает, что они несбыточны.

Важное различие мифов и иллюзий заключается в их противоположной временной направленности: миф рождается в прошлом, обусловлен прошлым и содержит версию прошедшего события; иллюзия преимущественно обращена в будущее, характеризует современные настроения и надежды своих носителей. Так, когда мы обращаемся к характеристике иллюзий, свойственных той или иной исторической эпохе, всегда оцениваем не столько то, что вызвало их к жизни, сколько то, какие ожидания были с ними связаны и в какой степени им удалось воплотиться в действительности.

При этом мифы и иллюзии органично связываются в общественном сознании настоящего: одни отвечают за легендарность и достоинство прошлого, другие обещают светлое будущее. Одной из причин возникновения конституционного мифа может стать желание постфактум обосновать оправданность конституционных иллюзий, по прошествии времени постараться признать их максимально реализованными, по крайней мере для того случая, когда речь идет о действующем государственном и политическом строе.

Получаем своего рода цикл: конституционные иллюзии порождают создание конституционных мифов для оправдания свершившихся исторических событий и придания им более возвышенного и более идеалистического целеполагания. Ссылаясь на предположение К. Маркса, Г. Тюдор раскрывает замысел участников Французской революции, которые «одели свои действия в героическую маскировку, чтобы скрыть истинную природу

своего предприятия. Если бы они честно признались себе и своим последователям, что их реальной целью было создание условий, в которых буржуазная торговля и промышленность могли процветать, они никогда не смогли бы действовать с рвением и энтузиазмом, которых требовала задача»²⁵.

К показательным выводам для характеристики степени присутствия/отсутствия конституционных иллюзий у целого ряда современных обществ приводит анализ лозунгов современных революций, преимущественно «бархатных» и «цветных». Выходящие на акции гражданского неповиновения по зову сердца и социальных сетей на площади столиц, расположенных на разных континентах государств, не выдвигают лозунгов конституционного переустройства. Закрепленные в писаной конституции правовые и политические конструкции не вызывают отторжения, «революции» не ставят своей целью их изменение.

Напротив, изменения политических режимов происходят, как правило, в рамках неприкосновенных конституций, после успеха «революций» (государственных переворотов) новые политические режимы формируются в рамках конституционных правил и процедур, сформированных и апробированных свергнутыми политическими силами. И даже тогда, когда новые власти приступают к изменению текста конституции, это делается для создания видимости конституционного процесса, а принятие новой конституции выступает скорее символом перехода к новому политическому режиму, нежели действительно характеризует его содержание и направленность. При этом говорить о наличии или возникновении конституционных иллюзий у населения этих государств не приходится.

Метода «обращения к ценностям и идеалам конституции» нет и среди «198 методов ненасильственных действий» Дж. Шарпа (*G. Sharp. 198 Methods of Nonviolent Action*), а в методичке «От диктатуры к демократии» автор в пяти коротких абзацах дает весьма примитивные рекомендации:

«В конституции должны быть сформулированы цели правительства, границы государственной власти, способ и сроки выборов, в ходе которых будут отобраны правительственные чиновники и законодатели, неотъемлемые права граждан, а также отношения национального правительства с местными органами управления.

В пределах центрального правительства, если оно останется демократическим, должно устанавливаться четкое разделение власти между законодательной, исполнительной и судебной ветвями...

²⁵ Henry T. Political Myth. Macmillan Education 1972. P. 133.

предпочтительно, чтобы конституция устанавливала федеральную систему со значительными правами, делегируемыми региональным, районным и местным уровням управления. В некоторых случаях можно рассмотреть возможность использования швейцарской системы кантонов, в которой небольшие территории обладают основными полномочиями, оставаясь частью страны.

Если конституция, содержащая многие из этих положений, существовала ранее в истории новой свободной страны, может оказаться предпочтительным ввести ее в силу вновь, внося в нее необходимые и желательные поправки. При отсутствии пригодной старой конституции может оказаться необходимым использовать конституцию переходного периода. Но, может быть, придется разрабатывать новую конституцию. Подготовка новой конституции потребует значительного времени и размышлений. Участие народа в этом процессе является желательным и необходимым для ратификации нового текста или поправок. Необходимо весьма осторожно вводить в конституцию обязательства, которые позже окажется невозможным выполнить, или положения, которые потребуют высокой централизации правления, так как и то, и другое может способствовать возникновению новой диктатуры.

Текст конституции должен быть легко понятным для большинства населения. Конституция не должна быть настолько сложной или двусмысленной, что только юристы и другие элиты способны ее понять»²⁶.

И это – ВСЕ! Дж. Шарп оставляет конституционные иллюзии, доктрины и мифы «старым демократиям» и «просвещенным народам». Для достижения целей «демократизации» излишне прибегать к столь сложным, обладающим философским содержанием материям, достаточно простых символов и характеристик: «бульдозерная революция» для Югославии (2000 г.), «революция роз» для Грузии (2003 г.), «пурпурная революция» для Ирака (2003—2005 гг.), «оранжевая революция» (2004 г.) и «евромайдан» (2013—2014 гг.) для Украины, «тюльпановая» (2005 г.) и «дынная» (2009 г.) революции для Киргизии, «революция кедров» для Ливана (2005 г.), «шафрановая революция» для Мьянмы (2007 г.), «сиреневая» (2009 г.) и «хризантемовая» революции (2015—2016 гг.) для Молдавии, «жасминовая революция» для Туниса (2010—2011 гг.), «революция лотосов» для Египта (2011 г.), различные версии «арабской весны» для Сирии, Ливии и Египта.

Неудавшиеся «революция зонтиков» (Китай, Гонконг, 2014—2015 гг.), «революция розеток»

²⁶ См.: URL: http://bookscafe.net/read/sharp_dzhin-ot_diktatury_k_demokratii-30896.html#p28

(Армения, 2015 г.), «васильковая» (Беларусь, 2006 г.) или «болотная» в России, безмянные протесты в Македонии, Малайзии, Монголии, Бразилии, Южной Корее, Узбекистане не сопровождались выдвиганием требований конституционного толка.

Т. Я. Хабриева в работе «Конституционная реформа в современном мире»²⁷ обращает внимание на содержащееся во французской литературе замечание, что это «магическое слово (имеется в виду конституция.— Т.Х.) используется в период, когда в жизни народа завершается “процесс рационализации и национализации власти”». Конституция – нечто наиболее ценное, основной закон, выражающий политические права нации, форму управления и организации политической власти»²⁸. Однако приведенная цитата содержит явное противоречие: если под конституцией только и исключительно понимается «основной закон, выражающий политические права нации, форму управления и организации политической власти», то в этом понимании уже нет никакой «магии». «Процессы рационализации и национализации власти» в современных государствах вполне успешно реализуются за пределами собственно конституционного регулирования. Поясним: эти процессы зачастую осуществляются в рамках конституции и в полном соответствии с ее положениями. При этом существование этих процессов может быть противоречащим самим основам конституционного строя.

Все, без исключения все, государства к началу XXI в. обзавелись системами, которые они трактуют как конституционные, демократические. Фетишизация конституций, под которой понимается вмененность ее наличия любому уважающему себя государству, ситуация, когда признаться в отсутствии конституции для государства стало верхом неприличия (равно что признаться в допустимости каннибализма), сыграло свою злую шутку. Конституция перестала восприниматься как акт магической силы – общественного договора. Причем с точки зрения исторической справедливости вполне заслуженно: ведь когда-то она сама отвергла идею божественного происхождения власти, заменив ее доктринами «народного суверенитета» и «общественного договора».

«Еще со времен “Правдивой истории” Лукиана слишком усердные уверения в истинности воспринимаются как верный признак того, что перед

²⁷ Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в современном мире. М., 2018. С. 65.

²⁸ Giquel F., Giquel F.-E. Droit constitutionnel et institutions politiques. 25 ed. P., 2011. P. 183.

нами — художественный вымысел»²⁹. По большому счету с тех пор мало что изменилось. Разве что помнялись содержание конституционных мифов и господствующих иллюзий да существенно усовершенствовались средства их доставки к потребителю. «До сих пор думали, что создание христианских мифов было возможно в Римской империи только потому, что еще не было изобретено книгопечатание. Как раз наоборот. Ежедневная пресса и телеграф фабрикует больше мифов (а буржуазные ослы верят в них и распространяют их) за один день больше, чем раньше можно было изготовить за столетие, утверждал К. Маркс³⁰. Геометрическую прогрессию, Утверждал К. Маркс можно продолжить: ежесекундно Интернет фабрикует и поставляет мифы в масштабах, не сравнимых с возможностями прошлого. Некоторые из этих мифов предстают в формате «новостей», другие — обозначаются «фейками» (выбор понятия определяется заинтересованностью современных «буржуазных ослов»). Где же здесь сформироваться конституционным мифам и иллюзиям!

Что же делать с конституционной мифологией? Существует идеалистическое мнение, озвученное Ф.А. де Пайва Форте, что конституционные мифы должны трансформироваться из утопий в конституционные инструменты в соответствии с реальностью³¹. Хотелось бы его поддержать с оговоркой, что само предложение в таком случае следует признать иллюзией, что не отвергает подхода, в соответствии с которым задача исследователей конституционных мифов и иллюзий состоит не в развенчании мифов и искоренении иллюзий, а напротив, во всемерной их правовой обработке, утверждении пусть и идеалистических воспоминаний в качестве неотъемлемых элементов истории государственности, а возможно, и не вполне обоснованных надежд в роли ориентира для ее развития.

Конституционные мифы прошлого продолжают сопровождать современное общество. Они оказывают воздействие на дискуссии о развитии государства, общества, человека в эпоху постмодернизма. Это сопровождение осуществляется в трактовке У. Эко: «раз уж прошлое невозможно уничтожить, ибо его уничтожение ведет к немоте, его нужно переосмыслить, иронично, без наивности»³². Это переосмысление не уничтожает конституционных мифов прошлого, но перечеркивает возможность формирования новых. Прагматичная и исключительно политически ориентированная современная

конституционная доктрина не закладывает условий для возникновения новых мифов.

Основополагающие конституционные иллюзии прошлого истощены. Эпоху можно считать законченной³³. Возможно (и даже вероятно), общество в новую эпоху (информационную, цифровую) сформирует новые иллюзии. Но на сегодня можно признать:

Конституция — особый нормативный акт. Он выступает скрепляющей силой, формирует «образ будущего» государства и общества. Конституционные иллюзии и конституционные мифы — это отраженная история страны, восприятие лучших мировых практик, представление собственного взгляда на современный мир и устройство государства. Коллективное сознание включает прежде всего основополагающие иллюзии эпохи, помогающие поддерживать существующий строй, его социальные, политические, экономические и другие институты.

Признавая истощение конституционных иллюзий в современную эпоху, нельзя игнорировать очевидный факт: конституция — чрезвычайно полезная и удобная вещь. Ее прагматическое предназначение и практическое использование позволяют современным государствам создавать условия для развития экономики и бизнеса, функционирования гражданского общества, саморазвития человека. Утрата магии не влечёт за собой утраты функциональной полезности. Так, на одном этапе человеческого развития люди наделяли магическими свойствами явления природы, затем пытались понять магию электричества и перемещающихся в пространстве силой пара или энергии локомотивов. Многим из нас до сих пор непонятно, каким образом голос может перемещаться по телефонным проводам или ещё более странным образом — через спутниковый сигнал. Ежедневно человек пользуется магическими вещами, не озадачиваясь ни тем, кто их изобрёл, ни тем, благодаря каким законам естествознания они функционируют. Так же и конституции.

Почитание конституций сохраняется незыблемым, и степень его демонстрации даже возрастет, но это — уважение к истории, это — заинтересованность в стабильности, это — признание перспективности конституционного регулирования как лучшего способа воспроизводства власти. Неужели же при этом почитании не остается места для конституционных иллюзий³⁴ — неужели их больше нет? Неужели слово «конституция» потеряло свое магическое значение?!

²⁹ Эко У. История иллюзий: легендарные места, земли и страны / пер. с итал. А. А. Сабашниковой. М., 2014. С. 439.

³⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 33. М., 1962. С. 215.

³¹ См.: Forte F.A.P. Rationality and legitimacy of the policy of repression in drug trafficking: a necessary provocation // Estudos Avancados. 2007. Vol. 21. № 61. P. 197.

³² Эко У. Заметки на полях «Имени розы» // Симпозиум. 2007. С. 130.

³³ Миллер А.: «Эпоху можно считать законченной, когда истощились ее основополагающие иллюзии». An era can be said to end when its basic illusions are exhausted. "The Year it Came Apart", New York magazine. Vol. 8. № 1 (30 Dec. 1974—6 Jan. 1975). P. 30.

³⁴ По крайней мере в понимании иллюзий как надежд и упований на спасительную роль конституций, а не в ленинском толковании как признании конституционным порядком, который таковым не является.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Власов В. С.* История Украины: учеб. для 8-го кл. общеобразоват. учеб. завед. Киев, 2016. С. 192.
2. *Диккенс Ч.* Повесть о двух городах / пер. М. Богословской, С. Боброва. М., 2011.
3. *Зубченко А.* Конституционная мифология. URL: <http://www.versii.com/news/215856/>— 04.10.2010
4. Истоки казахстанского конституционализма // Казахстанская правда. 2015. 25 авг.
5. *Краснов М.* Конституция в нашей жизни // Pro et Contra. 2007. Июль—окт. С. 31.
6. *Кронский В. С.* Всенародное обсуждение проекта Конституции СССР 1977 года и развитие законодательства // Правоведение. 1985. С. 42—46.
7. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 33. М., 1962. С. 215.
8. *Матаева Т. Х.* От конституционных идей до конституций в Казахстане и странах Центральной Азии // Евразийский юридический журнал. 2018. № 1. С. 10—14.
9. *Мау В. А.* Экономика и власть: опыт посткоммунистической трансформации. Экономическая реформа: сквозь призму конституции и политики. М., 2017. С. 201.
10. *Миллер А.* The Year it Came Apart. New York magazine. Vol. 8. № 1 (30 Dec. 1974—6 Jan. 1975). P. 30.
11. *Румянцев О. Г.* К истории создания Конституции Российской Федерации. О работе Конституционной комиссии (1990—1993 гг.). Часть восьмая. Июль — декабрь 1993 г.: из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990—1993 гг.): в 6 т. Т. 4. 1993 год. Кн. 3 (июль — декабрь 1993 г.). М., 2009. С. 78.
12. *Хабриева Т. Я.* Конституционная реформа в современном мире. М., 2018. С. 65.
13. *Шаповал В.* Феномен конституции в контексте отечественной политико-правовой «мифологии». URL: http://gazeta.zn.ua/POLITICS/fenomen_konstitutsii_v_kontekste_otechestvennoy_politiko-pravo-voyu_mifologii.html — 08.08.2008.
14. *Шахрай С. М.* Мифология распада СССР // Аргументы недели. 2012. 5 дек. URL: <http://argumenti.ru/politics/n368/218028>
15. *Шахрай С. М.* Общество в период изменений: опыт конституционного строительства // Гос. служба. 2013. № 1. С. 15, 16.
16. *Шишкин В.* Конституция: опередившая время (о правовом акте Пилипа Орлика 1710 года) // День. 2007. 14 сент. С. 25.
17. *Эко У.* Заметки на полях «Имени розы» // Симпозиум. 2007. С. 130.
18. *Эко У.* История иллюзий: легендарные места, земли и страны / пер. с итал. А. А. Сабашниковой. М., 2014. С. 439.
19. *Forté F. A. P.* Rationality and legitimacy of the policy of repression in drug trafficking: a necessary provocation // Estudos Avançados. 2007. Vol. 21. № 61. P. 197.
20. *Ghetti P. S.* The Brazilian Deconstitution: Futurity and Cynicism in the Brazilian Constitutional Experience. 2007. P. 5. URL: // <http://www.enelsyn.gr/papers/w2/Paper%20by%20Pablo%20Ghetti.pdf>
21. *Giquel F., Giquel F.-E.* Droit constitutionnel institutions politiques, 25 ed. P., 2011. P. 183.
22. *Henry T.* Political Myth. Macmillan Education 1972. P. 133.
23. *Holovaty S.* Ukraine's constitutionalism in the context of the constitutional heritage of Europe // The constitutional heritage of Europe: Proceedings of the Uni Dem seminar organized in Montpellier (France) on 22 and 23 November 1996 in co-operation with the Centred' études et recherches comparatives constitutionnelles et politiques (CERCOP), Faculty of Law, University of Montpellier. Printed in Germany: Council of Europe Publishing F-67075 Strasbourg Cedex, 1997. Dec. P. 130, 131.
24. *Pritsak Omeljan.* The First Constitution of Ukraine (5 April 1710) // Harvard Ukrainian Studies. Vol. 22: Cultures and Nations of Central and Eastern Europe (1998). Published by Harvard Ukrainian Research Institute. P. 471—496.

REFERENCES

1. *Vlasov V. S.* Istoriya Ukrainy: ucheb. dlya 8-go kl. obshcheobrazovat. uchebn. zaved. Kiev, 2016. S. 192.
2. *Dikkens Ch.* Povest' o dvuh gorodah / per. M. Bogoslovskoj, S. Bobrova. M., 2011.
3. *Zubchenko A.* Konstitucionnaya mifologiya. URL: <http://www.versii.com/news/215856/>— 04.10.2010
4. Istoki kazahstanskogo konstitucionalizma // Kazahstanskaya pravda. 2015. 25 avg.
5. *Krasnov M.* Konstituciya v nashej zhizni // Pro et Contra. 2007. Iyul'—okt. S. 31.
6. *Kronskij V. S.* Vsenarodnoe obsuzhdenie proekta Konstitucii SSSR 1977 goda i razvitie zakonodatel'stva // Pravovedenie. 1985. S. 42—46.
7. *Marks K., Engels F.* Soch. T. 33. M., 1962. S. 215.
8. *Mataeva T. H.* Ot konstitucionnyh idej do konstitucij v Kazahstane i stranah Central'noj Azii // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2018. № 1. С. 10—14.
9. *Mau V. A.* Ekonomika i vlast': opyt postkommunisticheskoy transformacii. Ekonomicheskaya reforma: skvoz' prizmu konstitucii i politiki. M., 2017. S. 201.

10. *Miller A.* The Year it Came Apart. New York magazine. Vol. 8. № 1 (30 Dec. 1974—6 Jan. 1975). R. 30.
11. *Rumyancev O. G.* K istorii sozdaniya Konstitucii Rossijskoj Federacii. O rabote Konstitucionnoj komissii (1990—1993 gg.). Chast' vos'maya. Iyul' — dekabr' 1993 g.: iz istorii sozdaniya Konstitucii Rossijskoj Federacii. Konstitucionnaya komissiya: stenogrammy, materialy, dokumenty (1990—1993 gg.): v 6 t. T. 4. 1993 god. Kn. 3 (iyul' — dekabr' 1993 g.). M., 2009. S. 78.
12. *Habrieva T. Ya.* Konstitucionnaya reforma v sovremennom mire. M., 2018. S. 65.
13. *Shapoval V.* Fenomen konstitucii v kontekste otechestvennoj politiko-pravovoj "mifologii". URL: http://gazeta.zn.ua/POLITICS/fenomen_konstitutsii_v_kontekste_otchestvennoy_politiko-pravovoy_mifologii.html. — 08.08.2008.
14. *Shahraj S. M.* Mifologiya raspada SSSR // Argumenty nedeli. 2012. 5 dek. URL: <http://argumenti.ru/politics/n368/218028>
15. *Shahraj S. M.* Obshchestvo v period izmenenij: opyt konstitucionnogo stroitel'stva // Gos. sluzhba. 2013. № 1. S. 15, 16.
16. *Shishkin V.* Konstituciya: operedivshaya vremena (o pravovom akte Pilipa Orlika 1710 goda) // Den'. 2007. 14 sent. S. 25.
17. *Eko U.* Zametki na polyah «Imeni rozy» // Simpozium. 2007. C. 130.
18. *Eko U.* Istoriya illyuzij: legendarnye mesta, zemli i strany / per. s ital. A.A. Sabashnikovoj. M., 2014. S. 439.
19. *Forté F.A.P.* Rationality and legitimacy of the policy of repression in drug trafficking: a necessary provocation // Estudos Avancados. 2007. Vol. 21. № 61. P. 197.
20. *Ghetti P. S.* The Brazilian Deconstitution: Futurity and Cynicism in the Brazilian Constitutional Experience. 2007. P. 5. URL: <http://www.enelsyn.gr/papers/w2/Paper%20by%20Pablo%20Ghetti.pdf>
21. *Giquel F., Giquel F.-E.* Droit constitutionnel institutions politiques, 25 ed. P., 2011. R. 183.
22. *Henry T.* Political Myth. Macmillan Education 1972. P. 133.
23. *Holovaty S.* Ukraine's constitutionalism in the context of the constitutional heritage of Europe // The constitutional heritage of Europe: Proceedings of the Uni Dem seminar organized in Montpellier (France) on 22 and 23 November 1996 in co-operation with the Centred' études et recherches comparatives constitutionnelles et politiques (CERCOP), Faculty of Law, University of Montpellier. Printed in Germany: Council of Europe Publishing F-67075 Strasbourg Cedex, 1997. Dec. P. 130, 131.
24. *Pritsak Omeljan.* The First Constitution of Ukraine (5 April 1710) // Harvard Ukrainian Studies. Vol. 22: Cultures and Nations of Central and Eastern Europe (1998). Published by Harvard Ukrainian Research Institute. P. 471—496.

**CONSTITUTIONAL MYTHOLOGY: ORIGINATION, PURPOSE
AND PRACTICE OF APPLICATION**
(Part 2)

© 2019 I. N. Bartsits

*Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow*

E-mail: in.bartsits@migsu.ru

Received 26.06.2018

This article provides insight into the essence, content and destiny of constitutional myths and illusions as “load-bearing elements” of constitutional order, government system and political regime. Special attention is paid to the analysis of individual constitutional myths and illusions, such as the doctrine of the sovereignty of the people, concept of social contract, nation-wide referendum, values of separation of powers, open government, etc., as well as examples of their embodiment in the Constitutions of Russia, China, the USA, France, Venezuela, Kazakhstan, Armenia, Ukraine, etc. The author has identified key differences between the constitutional myths and constitutional illusions, including their sources, importance to the constitutional ideology, opposite temporal orientation, etc. He also substantiated the conclusion that the modern constitutional doctrine, because of its pragmatic nature and exclusive political focus, is designed to pursue practical political purposes, prevents the advent of new myths, and facilitates the dying out of constitutional illusions in the modern era.

Key words: Constitution, constitutional myths, constitutional illusions, social contract, sovereignty of the people.

Сведения об авторе

БАРЦИЦ Игорь Нязбеевич — доктор юридических наук, профессор, директор Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва

Authors' information

BARTSITS Igor N. — Doctor of Law, Professor, Director of the Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow